

В издательстве «Художественная литература» подготовлен и печати двухтомный сборник «Максим Горький в воспоминаниях современников». Воспоминания живо рисуют Горького, писателя и человека, таким, каким он вошел в сознание многих людей, которым выпало счастье общаться с ним.

Юрий ЖЕЛЯБУЖСКИЙ
В ЯНВАРЕ
1905 ГОДА

Юрий Андреевич Желябужский (1888—1955 гг.) — один из зачинателей советского кино, режиссер, оператор, сценарист.

Сын Марии Федоровны Андреевой, Желябужский в молодые годы некоторое время жил вместе с Горьким. Воспоминания печатаются по рукописи.

...Вскоре, около Нового года, я вернулся в Петербург. Мы поехали туда вместе с Алексеем Максимовичем, который на этот раз приехал без моей матери и по делам, оставшимися на Знаменской... Вместе с нами приехал и Захар Васильевич Селиверстов.

В эти дни Петербург был полон слухов и разговоров о готовившейся царским правительством гигантской провокации...

Рабочий Питер бурлил. Еще 3 января началась забастовка на огромном Путиловском заводе, за Нарвской заставой. Скоро забастовка охватила весь город.

Царское правительство напугалось; оно увидело, что его же агентами созданное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» стихийно выдвигает уже революционные политические требования, хотя и выражает их пока в виде «всепоподаннейшей» петиции; оно поняло, что настроение даже самых отсталых рабочих буквально с каждым часом становится все более революционным, что агитация левых партий, особенно большевиков, с каждой минутой находит все более горячий отклик в сердцах и умах измученных людей...

Тотчас по приезде Алексей Максимович с головой окунулся в эту бурную обстановку и также делал отчаянные попытки найти выход, предотвратить готовящееся злодейство.

Уже весь центр Петербурга, особенно улицы и площади, прилегающие к Зимнему дворцу, были заняты полками лейб-гвардии, то есть личной гвардии царствующего дома Романовых. Солдаты расположились прямо на улицах, жгли костры, и город сразу приобрел вид занятого неприятелем. Уличное освещение не горело.

И вот в это время, вечером 8 января, группа петербургских интеллигентов, главным образом литераторов, юристов и либеральных профессоров, стала объезжать всех «власть имущих», пытаясь как-то повлиять, предотвратить готовящуюся бойню. Я был на Знаменской, когда за Алексеем Максимовичем заехали Пешехонов, Мякотин и Лутугин, чтобы ехать к председателю комитета министров С. Ю. Витте, к считавшемуся «либеральным» министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому, градоначальнику Клейгельсу и др. Они говорили, что попытаются добиться приема и у Николая Николаевича*.

Конечно, в большинстве мест их не приняли, хитрая лиса Витте уклонился от разговора по существу, а «либеральный» генерал Святополк «кумыл руки», сказав, что власть теперь изъята из рук гражданских властей и передана целиком в руки его императорского высочества, то есть Николая Николаевича.

Так они и вернулись, усталые и подавленные, а Алексей Максимович невероятно нервно-напряженный, всем своим горячим сердцем протестующий и как-то вибрирующий, чувствуя неотвратимость трагедии...

Когда я утром встал, то первым делом позвонил по телефону на Знаменскую, и Захар Васильевич взволнованно мне сообщил, что Алексей Максимович вместе с Леонидом Леонидовичем Бенуа** еще на рассвете, ушел из дома, чтобы видеть все, чтобы быть с народом в эти роковые минуты.

Посоветовавшись, мы с ним решили, как это ни было безнадежно, все же попытаться разыскать Алексея Максимовича и попробовать его уговорить уйти если не домой, то хотя бы от непосредственной опасности.

Я оделся потеплее и, наскоро закусив, пошел на поиски... Через Большую Конюшенную мне удалось пройти на Невский и по нему пробраться к углу его с Дворцовой площадью...

Вся улица, да вообще все видимое пространство было так тесно заполнено народом, что буквально не только яблоку, но даже спичке упасть было некуда. Деревья Александровского сада перед Адмиралтейством были сплошь усыпаны мальчишками. Сюда все подходили и подходили новые толпы, и скоро стало трудно даже дышать. Впереди, над толпой, возвышались церковные хоругви, слышалось протяжное пение.

* Великий князь, в то время — командующий петербургским военным округом.
** Участник революционного движения, большевик.

ном карауле у гроба Горького, что через год, в конце июня, траурный марш Шопена зальет всю страну, весь мир, что Горького не будет.

Горький много курил. Перед ним на столе пепельница. В ней обгоревшие спички. Я увидел, как велика была страсть у Горького к огню. Вот он складывает в пепельнице лесенкой полубогоревшие спички и поджигает их. Горит маленький-маленький костер. Горький доволен.

У Горького в то время гостила Ромен Роллан. По нездоровью он не участвовал в на-

любовно звали Горького, — с величайшим нетерпением...
Иногда Горький устраивал у себя на Малой Никитской редакционные совещания. Одно из них, происходившее в декабре 1934 года, мне особенно запомнилось.

Алексей Максимович появился с нашей папкою в руках, мы тотчас же окружили его. Не часто приходилось видеть Горького так близко, и я жадно его разглядывала. У него были широкие, постарчески согбенные плечи — и сильные, полные молодого блеска глаза; густой, глубокий бас —

Из воспоминаний об А. М. ГОРЬКОМ

БОЛЬШАЯ
ЖИЗНЬ

А. М. ГОРЬКИЙ с рабочими-ударниками на теплоходе «Абхазия», Неаполь, 1930 г.

спешно уезжает в Ригу, так как получил телеграмму от А. Н. Тихонова о том, что Мария Федоровна тяжело заболела...

Сразу по приезде (в Ригу. — Ред.) Алексей Максимович проехал в больницу, где лежала Мария Федоровна. Хотя она была очень слаба, но его допустили к ней, так как рижские врачи считали положение безнадежным...

А в это время на рижской квартире мамы и Алексея Максимовича происходил обыск, во время которого и вернулся Алексей Максимович. Ничего «предсудительного» не было найдено, так как Захар Васильевич Селиверстов под видом топки печки — день был морозный, а в квартире было голландское отопление — сумел сжечь все необходимое...

Несмотря на безрезультатность обыска, «на основании распоряжения из Санкт-Петербурга цеховой малярного цеха Алексей сын Максимов Пешков» был арестован и под конвоем двух жандармских унтер-офицеров в тот же вечер был «препровожден» в Петербург. Ему даже не разрешили захватить еще раз повидать жену в больнице...

Александр ПРОКОФЬЕВ
ПРОСТ
И СЕРДЕЧЕН

Летом 1935 года Федин, Маршак, Тынянов, Ильин и я получили приглашение приехать к Горькому. Я не знал, как мне отнестись к приглашению. Дело в том, что Горький незадолго до этого очень меня разругал за редактуру книжки Ал. Молчанова «Крестьянин». Разругал справедливо, но сильно, сильнее, как мне казалось, чем следовало. Я переспросил Союз писателей: не ошибка ли адресованное мне приглашение приехать к Горькому? «Нет», — ответили мне из Москвы и подтвердили необходимость нашего приезда.

...Горки. Дача. Широко раскрываются ворота. Садовая дорожка. Увижу Горького! Как он встретит? Что скажу я ему? Но Горький уже ожидает нас в подъезде. Я подхожу к нему, рекомендую, жму руку. Он всматривается в меня, задерживает мою руку и говорит: — Так это вас я обругал?

— Да, меня, Алексей Максимович, — смущенно отвечаю я, — но ничего, ничего. (Тут уже начинается лепет — все, дескать, теперь уже прошло.) — Да по заглазью-то ничего, а в глаза совестно, — говорит Алексей Максимович.

И мне этих слов никогда не забыть. Я повторил их сейчас, и вновь старое, нахлынувшее тогда на меня чувство заполнило мое сердце.
«Горький прост и сердечен, — записал я по возвращении. — Его не крушит время. Он бодр».

Никак не ожидал я, что через год буду стоять в почет-

шей беседе. Мы все пришли к нему наверх. Высокий человек откинул плед, поднялся с дивана. Седые пучки бровей мне запомнились навсегда. Наш разговор с Р. Ролланом был краток. Горький также участвовал в нем. Как сейчас вижу его стоящим у двери небольшой комнаты, сутуловатого, разглаживающего обеими руками рывчатые усы, доброго, простого Алексея Максимовича.

Потом, за столом, я много говорил с ним о фольклоре, о кино, читал стихи. Я знал, что ему очень нравится герой русских былин Василий Буслав. В беседе со мной Горький говорил о том, что надо бы создать оперу, где Буслав был бы главным действующим лицом. Горький спросил, есть ли у меня «Сказание о Русской земле» Сахарова. Обещал достать и прислать мне эту книгу.

Горький любил народное творчество и укрепил мою веру в него. Я очень благодарен ему за это.

Дальше цитирую по «Литературному Ленинграду», по номеру от 20 июля 1935 года: «О многом мы переговорили с Алексеем Максимовичем за четыре часа...»

Обратно я ехал в одной машине с С. Я. Маршаком. — Вот Горький! — говорил Маршак. — По-моему, мало найдется людей с искрой, которые прошли мимо Горького, но ободренные его вниманием. Я навсегда согласен с ним».

Надежда ЧЕРТОВА
СТРОГАЯ
ШКОЛА

В 1934—1935 годах мне довелось вместе с писателями В. Зазубриным, Н. Замоскиным, Н. Машковцевым участвовать в одном из самых замечательных горьковских начинаний: мы были привлечены для работы в редакции журнала «Колхозник», возглавляемой лично Горьким. Не скрою: радовала и одновременно страшила предстоящая работа.

Алексей Максимович сразу же внушил нам сознание новизны того дела, к которому нас призвали: зарождался первый журнал для советского крестьянства, на высоком, без всяких скидок художественном и научном уровне...

Алексей Максимович прочитывал рукописи дважды — перед утверждением состава номера и перед отправкой в набор. Вот это второе прочтение было для нас самым волнующим. Оно сопровождалось подробным письмом в редакцию. Это были замечательные письма-программы, полные интереснейших раздумий о нашей литературе, о научных проблемах, которые нам следовало осветить.

Мы ожидали толстой папки материалов, просмотренных «стариком» — так в редакци-

и непрерывное, гулкое покашливание, идущее как бы из пустой груди. (При первой встрече, в 1931 году, я вот так же пристально разглядывала Горького и, помнится, так же удивлялась противоречивости впечатлений. Писатель И. Г. Гольдберг, мой спутник, рассказывал тогда о Сибири, а Горький внимательно слушал, барабанив пальцами по столу, опустив голову. «Очень стар и очень болен», — с грустью думала я. И вдруг он поднял взгляд, и я увидела, что в синих глазах его по-молодому искрилось усмешливое любопытство.)

Мы уселись за круглый стол во главе с Алексеем Максимовичем. Он медленно раскрыл заветную папку. — Ну что ж, научные статьи, пожалуй, хороши. — Алексей Максимович дружелюбно взглянул на заведующего научным отделом. — Вот так-с. А проза — плохая, — добавил он озабоченно. — Очень плохая.

Мы потерянно молчали. Что можно было сказать? Зарождение колхозной темы в молодом советской литературе уже совершилось, разрабатывали ее крупные, многообещающие таланты. Но этому трудному процессу сопутствовал поток произведений неглубоких, идущих в русле кондовой крестьянской стихии и примечательных только разнообразием областных словечек. Трудно даже выразить, насколько эти «явления» литературы не сходились с мечтами нашего редактора о принципиально новом журнале для колхозного крестьянства.

Горький принялся разбирать одну рукопись за другой: острый гнев вызывали в нем небрежные рассказы, которыми беззаботно снабдили нас авторы с достаточно крупными именами.

— Сбросили отходы и думают: раз журнал крестьянский — все туда можно сунуть. Это же халтура! — глуховато басил Алексей Максимович.

— Спросите рассказы у Пришвина, у Соколова-Микитова... Надо поднимать крестьянского читателя до настоящего, до подлинного искусства, а не расписывать ему его же самого в наихудшем виде, со всей темнотой и дикостью: эка новости!..

На другой день в редакции много было разговоров о совещании у Горького. «Прожить бы ему еще хоть десяток лет!» — думала я о Горьком и, может быть, впервые сознавала, как дорог нам каждый день, прожитый этим человеком...

Юрий ШАПОРИН
«ПЕВУЧАЯ
ДУША»

...В первый раз я пожал руку Горького в его доме на Никитской, куда меня повезла

тогдашняя директриса Большого театра Елена Константиновна Малиновская, большой и многолетний друг Горького. Это было 1 июня 1931 года...

Целью приезда Малиновской, давнишней знакомой по Нижнему Новгороду и близкого друга Горького, было желание получить от писателя либретто для оперы «Мать». Меня же она взяла с собою как бы консультантом. Но едва начавшийся разговор на эту тему был прерван внезапным появлением Алексея Николаевича Толстого. Горький, питающий к нему чувства, которые не назывешь иначе как отеческими, обнял его и увел в другую комнату. Затея Малиновской получить от Горького либретто потерпела фиаско. Она уехала, а же был приглашен остаться и провел в доме писателя весь день. С тех пор и до конца жизни Горького я очень часто бывал в его доме на Никитской и на даче в Горках...

В музыке писатель ценил «чудесную», как он говорил, способность проникать до глубины души и, как никакое другое искусство, передавать и жизненные радости, и скорби. Он не раз возвращался к мысли о симфонии, темой которой был бы человеческий труд и в пору, когда народ был подневольным, и в наше время, когда он стал свободным.

Эта мысль великого писателя, к сожалению, не осуществлена, как не осуществилось и его желание о народно-героической опере на былинном материале. Алексей Максимович неоднократно и настойчиво советовал искать сюжеты в богатейшем эпосе, ярко отражающем героическое прошлое русского народа. «Освобожденный народ должен знать свою историю, показанную в художественных образах», — говорил он...

Заговорили как-то о волжских песнях. «Я много их знаю, а в тех сборниках народных песен, что попадались мне, я их не нашел. — И, хитро прищурив правый глаз, сказал: — Как-нибудь спою вам». Ждать пришлось долго. Но как же я был вознагражден, когда Алексей Максимович однажды, взяв решительно меня за руку, сказал: «Пойдем», — и повел меня в одну из отдаленных комнат дома. Когда мы вошли в нее, Алексей Максимович, оглядев комнату, вопросительно заметил: «А роля-то нет!» «Зачем?» — ответил я. — Мы обойдемся и без него. Вы будете петь, а я записывать», — после чего хозяин, заперев дверь на ключ, начал петь своею слегка надтреснутым голосом, по высоте и тембру близким к баритону.

Пел он стоя, положив правую руку на грудь, а левую держал у головы.

Как описать мое состояние? Я в первые минуты так волновался, что долго не мог сосредоточиться на предстоящей записи. Овладев наконец собою, я взял карандаш и записал две песни. Из них бурлацкая «Мы идем босяк, голодны, ты подай, Микола, помочи» является, не преувеличивая, шедевром народно-певческого искусства русских людей. Впоследствии, уже когда Горького не было на свете, я обработал ее для голоса и фортепьяно...

Не помню точно года, когда Горький в беседе со мной открыл одно неизвестное мне обстоятельство, но точно помню его слова (я их тогда же записал). Вот они: «Приезжаю как-то из Сорренто в Неаполь и, представляя себе, узнаю, что из гостиницы, где я остановился, накануне уехал Федор (так назвал он Шалыгина). Уверен, что если бы мне удалось повидаться с ним и наедине поговорить, долго поговорить, я убедил бы его вернуться на родину».

У Горького была, как он сам сказал об одном из своих героев, «певучая душа». Он глубоко чувствовал и любил музыку. И как хорошо и чутко сказал о Горьком Александр Блок в юбилейном приветствии, когда пожелал великому писателю, «чтобы не оставался его суровый, гневный, стихийный, но и милостивый дух музыки, которому он, как художник, верен»...

Слава Горького все растет и растет. Не знаю, каков был бы путь советского искусства, если бы в нужное для России время не появился этот титан, соединивший в себе необыкновенный дар писателя и человека, о котором он так величественно сказал: «Человек, это звучит гордо».

Публикацию подготовила Виктория ПЕРЕСЫПКИНА